

ВСТУПЛЕНИЕ

Если ясное и очевидное само себя объясняет, то загадка будит творческую мысль. Вот почему исторические личности и события, окутанные дымкой загадочности, ждут от нас все нового осмысления и поэтического истолкования. Классическим, коронным примером того неистощимого очарования загадки, какое исходит порой от исторической проблемы, должна по праву считаться жизненная трагедия Марии Стюарт. Пожалуй, ни об одной женщине в истории не создана такая богатая литература — драмы, романы, биографии, дискуссии. Уже три с лишним столетия неустанно волнует она писателей, привлекает ученых, образ ее и поныне с неослабевающей силой тревожит нас, добиваясь все нового воспроизведения. Ибо все запутанное по самой природе своей тяготеет к ясности, а все темное — к свету.

Но все попытки отобразить и истолковать загадочное в жизни Марии Стюарт столь же противоречивы, сколь и многочисленны: вряд ли найдется женщина, которую бы рисовали так по-разному — то убийцей, то мученицей, то неумелой интриганкой, то святой. Однако разноречивость ее портретов, как ни странно, вызвана не скудостью дошедших сведений, а их смущающим избытком. Сохранившиеся документы, протоколы, акты, письма и сообщения исчисляются тысячами — ведь что ни год, вот уже триста с лишним лет, все новые судьи, обаянные новым рвением, решают, виновна она или невиновна. Но чем добросовестнее изучаешь источники, тем с большей грустью убеждаешься в сомнительности всякого исторического свидетельства

вообще (а стало быть, и изображения). Ибо ни тщательно удостоверенная давность документа, ни его архивная подлинность еще не гарантируют его надежности и человеческой правдивости. На примере Марии Стюарт, пожалуй, особенно видно, с какими чудовищными расхождениями описывается одно и то же событие в анналах современников. Каждому документально подтвержденному «да» здесь противостоит документально подтвержденное «нет», каждому обвинению — извинение. Правда так густо перемешана с ложью, а факты с выдумкой, что можно, в сущности, обосновать любую точку зрения. Если вам угодно доказать, что Мария Стюарт была причастна к убийству мужа, к вашим услугам десятки свидетельских показаний; а если вы склонны отстаивать противное, за показаниями опять-таки дело не станет: краски для любого ее портрета всегда смешиваются заранее. Когда же в сумятицу дошедших до нас сведений вторгается еще и политическое пристрастие или национальный патриотизм, искажения принимают и вовсе злостный характер. Такова уж природа человека, что, оказавшись между двумя лагерями, двумя идеями, двумя мировоззрениями, спорящими, быть или не быть, он не может устоять перед соблазном примкнуть к той или другой стороне, признать одну правой, а другую неправой, обвинить одну и воздать хвалу другой. Если же, как в данном случае, и сами авторы в большинстве своем принадлежат к одному из борющихся направлений, верований или мировоззрений, то однобокость их взглядов заранее predetermined; в общем и целом, авторы-протестанты возлагают всю вину на Марию Стюарт, а католики — на Елизавету. Англичане, за редким исключением, изображают ее убийцею, а шотландцы — безвинной жертвой подлой клеветы. Особенно много споров вокруг «писем из ларца»; если одни клятвенно защищают их подлинность, то другие клятвенно ее опровергают. Словом, все до мелочей подцвечено здесь партийным пристрастием. Быть может, поэтому неангличанин и нешотландец, свободный от такой кровной зависимости и заинтересованности, более спосо-

бен судить объективно и непредвзято; быть может, художнику, охваченному хоть и горячим, но не партийно-пристрастным интересом, скорее дано понять эту трагедию.

Конечно, и с его стороны было бы непростительной смелостью утверждать, будто он знает непреложную правду обо всех обстоятельствах жизни Марии Стюарт. Единственное, что ему доступно, — это некий максимум вероятности, и даже то, что он по всему своему разумению и всей совести сочтет за объективную точку зрения, неизбежно будет носить черты субъективности. Поскольку источники загрязнены, ему приходится в мутных струях искать свою правду. И так как показания современников противоречивы, он вынужден на этом процессе в каждой мелочи выбирать между свидетелями обвинения и свидетелями защиты. Но как бы ни осмотрителен был его выбор, в иных случаях он поступит всего честней, снабдив свое суждение вопросительным знаком и признав, что тот или иной эпизод в жизни Марии Стюарт остался темным, недоступным исследованию и таким, должно быть, останется навсегда.

Поэтому автор представленного здесь опыта взял себе за правило не обращаться к показаниям, исторгнутым пыткой и другими средствами запугивания и насилия: тот, кому дорога истина, не станет полагаться на вынужденные показания как на заслуживающие доверия. Точно так же и донесения шпионов и послов (в те времена понятия почти равнозначные) лишь с величайшим отбором принимаются здесь во внимание и каждый отдельный документ берется под сомнение; и если автор держится взгляда, что сонеты, а также большая часть «писем из ларца» достоверны, то пришел он к этому, тщательно взвесив все обстоятельства, а также основываясь на мотивах внутреннего характера. Повсюду, где в архивных документах сталкиваются два противоречивых утверждения, автор каждое из них возводил к его истокам и политическим мотивам и, если бывал вынужден сделать между ними выбор, всегда сообразовался с тем, насколько данный поступок психологически

созвучен характеру в целом, что и было для него конечным мерилom.

Ибо сам по себе характер Марии Стюарт не представляет загадки, он противоречив лишь во внешнем своем развитии, внутренне же монолитен и ясен от начала до конца. Мария Стюарт принадлежит к тому редкому, глубоко впечатляющему типу женщин, чья способность к бурным переживаниям как бы ограничена коротким сроком, к женщинам, которые знают лишь мгновенный пышный расцвет и расточают себя не постепенно, а словно сгорая в горниле одной-единственной страсти. До двадцати трех лет чувства ее все еще покоятся тихой заводью, да и потом, начиная с двадцати пяти, ни разу не всколыхнутся они бурным прибоем, и только в течение короткого двухлетия клокочет разбушевавшаяся стихия — так обычная, будничная судьба превращается в трагедию античного масштаба, великую и величаво развивающуюся трагедию, подобную «Орестее». Лишь за это двухлетие предстает перед нами Мария Стюарт поистине трагической фигурой, только под этим давлением поднимается она над собой, разрушая в неистовом порыве свою жизнь и в то же время сохраняя ее для вечности. Только благодаря страсти, убившей в ней все человеческое, имя ее еще и сегодня живет в стихах и спорах.

Этой необычайной уплотненностью внутренней жизни, сведенной к единственному мгновенному взрыву, предугазаны форма и ритм всякого жизнеописания Марии Стюарт; задача художника — воспроизвести эту круто взлетающую и так же внезапно ниспадающую кривую во всем ее неповторимом своеобразии. А потому да не сочтут произволом, что таким большим отрезкам времени, как первые двадцать три года жизни, а также без малого двадцать лет заточения, здесь отведено столько же места, сколько двум годам ее трагической страсти. В жизни человека внешнее и внутреннее время лишь условно совпадают; единственно полнота переживаний служит душе мерилom: по-своему, не как холодный календарь, отсчитывает она изнутри череду

уходящих часов. В опьянении чувств, блаженно свободная от пут и благословенная судьбой, она может в кратчайший миг узнать жизнь во всей полноте, чтобы потом, отрешившись от страсти, снова впасть в пустоту бесконечных лет, скользящих теней, глухого Ничто. Вот почему в прожитой жизни идут в счет лишь напряженные, волнующие мгновения, вот почему единственно в них и через них поддается она верному описанию. Лишь когда в человеке взывают его душевные силы, он истинно жив для себя и для других; только когда его душа раскалена и пылает, становится она зримым образом.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Первое место действия	Шотландия 1542–1548
Второе место действия	Франция 1548–1561
Третье место действия	Шотландия 1561–1568
Четвертое место действия	Англия 1568–1587

ШОТЛАНДИЯ

Иаков V (1512–1542), отец Марии Стюарт.

Мария де Гиз Лотарингская (1515–1560), его супруга, мать Марии Стюарт.

Мария Стюарт (1542–1587).

Джеймс Стюарт, граф Меррейский (1533–1570), внебрачный сын Иакова V и Маргариты Дуглас, дочери лорда Эрскина, сводный брат Марии Стюарт, регент Шотландии до и после правления Марии Стюарт.

Генрих Дарнлей (Стюарт) (1546–1567), правнук Генриха VII по своей матери, леди Ленокс, племяннице Генриха VIII. Второй супруг Марии Стюарт, возведенный ею на шотландский престол.

Иаков VI (1566–1625), сын Марии Стюарт и Генриха Дарнлея. После смерти Марии Стюарт (1587) — полноправный шотландский король, после смерти Елизаветы (1603) — английский король Иаков I.

Джеймс Хепберн, граф Босуэлский (1536–1578), позднее герцог Оркнейский, третий супруг Марии Стюарт.

Уильям Мэйтленд Летингтонский, государственный канцлер Марии Стюарт.

Джеймс Мелвил, дипломатический агент Марии Стюарт.

Джеймс Дуглас, граф Мортонский, после убийства Меррея — регент Шотландии, казнен в 1581 году.

Мэтью Стюарт, граф Леноксский, отец Генриха Дарнлея; обвинял Марию Стюарт в убийстве своего сына.

<i>Аргайл</i>	}	лорды, выступающие то как сторонники, то как противники Марии Стюарт; участники бесчисленных заговоров и междоусобиц, они почти все кончают жизнь на эшафоте.
<i>Аран</i>		
<i>Мортон Дуглас</i>		
<i>Эрскин</i>		
<i>Гордон</i>		
<i>Гаррис</i>		
<i>Хантлей</i>		
<i>Керколди Грейнджский</i>		
<i>Линдсей</i>		
<i>Мар</i>		
<i>Рутвен</i>		

<i>Мэри Битон</i>	}	четыре Марии, сверстницы и подруги Марии Стюарт.
<i>Мэри Флеминг</i>		
<i>Мэри Ливингстон</i>		
<i>Мэри Сетон</i>		

Джон Нокс (1505–1572), проповедник реформатской церкви, главный противник Марии Стюарт.

Давид Риччо (ок. 1533–1566), музыкант, секретарь Марии Стюарт, убит в 1566 году.

Пьер де Шателляр (1540–1563), французский поэт при дворе Марии Стюарт, казнен в 1563 году.

Джордж Бьюкенен (1506–1582), гуманист, воспитатель Иакова VI, автор наиболее злобных пасквилей на Марию Стюарт.

ФРАНЦИЯ

Генрих II (1518–1559), с 1547 года французский король.

Екатерина Медичи (1519–1589), его супруга.

Франциск II (1544–1560), его старший сын, первый супруг Марии Стюарт.

Карл IX (1550–1574), младший брат Франциска II, после его смерти король Франции.

<i>Кардинал Лотарингский</i>	}	из дома Гизов.
<i>Клод де Гиз</i>		
<i>Франсуа де Гиз</i>		
<i>Анри де Гиз</i>		

<i>Ронсар</i>	}	авторы, прославлявшие Марию Стюарт в своих творениях.
<i>Дю Белле</i>		
<i>Брантом</i>		

АНГЛИЯ

Генрих VII (1457–1509), с 1485 года английский король, дед Елизаветы, прадед Марии Стюарт и Дарнлея.

Генрих VIII (1491–1547), его сын, правил с 1509 года.

Анна Болейн (1507–1536), вторая супруга Генриха VIII; обвиненная в нарушении супружеской верности, была казнена.

Мария I (1516–1558), дочь Генриха VIII от брака с Екатериной Арагонской, после смерти Эдуарда VI (1553) — английская королева.

Елизавета (1533–1603), дочь Генриха VIII и Анны Болейн, при жизни отца считалась незаконнорожденной; после смерти своей сводной сестры Марии (1558) взошла на английский престол.

Эдуард VI (1537–1553), сын Генриха VIII от третьего брака с Джоанной Сеймур, ребенком обручен с Марией Стюарт, с 1547 года — король.

Иаков I (1566–1625), сын Марии Стюарт, преемник Елизаветы.

Уильям Сесил, лорд Берли (1520–1598), всемогущий государственный канцлер Елизаветы.

Сэр Фрэнсис Уолсингем (1532–1590), государственный секретарь и министр полиции.

Уильям Девисон, второй секретарь.

Роберт Дадлей, граф Лестерский (1532–1588), фаворит Елизаветы, предложенный ею в супруги Марии Стюарт.

Томас Хоуард (1473–1554), герцог Норфолкский, первый дворянин королевства, претендовал на руку Марии Стюарт.

Толбот, граф Шрусберийский (1528–1590), по поручению Елизаветы был стражем Марии Стюарт в течение пятнадцати лет.

Эмиас Паулет, последний тюремщик Марии Стюарт.

Палач города Лондона.

Глава I

КОРОЛЕВА-ДИТЯ

1542–1548

Марии Стюарт не исполнилось и недели, когда она стала королевой Шотландской; так с первых же дней заявляет о себе изначальный закон ее жизни — слишком рано, еще не умея радоваться, приемлет она щедрые дары фортуны. В сумрачный день в декабре 1542 года, увидевший ее рождение в замке Линлитгау, отец ее, Иаков V, лежит в соседнем Фокленде на смертном одре. Тридцать один год королю, а он уже сломлен жизнью, устал от власти и борьбы. Истинный храбрец и рыцарь, жизнелюбец по натуре, он страстно почитал искусство и женщин и был любим народом. Нередко, одетый простолюдином, посещал он сельские праздники, танцевал и шутил с крестьянами, и отчизна еще долго хранила в памяти сложенные им песни и баллады. Но злосчастный наследник злосчастливого рода, он жил в смутное время в непокорной стране, и это решило его участь. Властный, наглый сосед Генрих VIII побуждает его насадить у себя реформацию, но Иаков V остается верен католицизму, и этим разладом пользуется шотландская знать, вечно впутывающая жизнерадостного, миролюбивого короля в войны и смуты. За четыре года до смерти, когда он искал руки Марии де Гиз, Иаков V уже хорошо понимал, что значит быть королем наперекор строптивым и хищным кланам. «Madame, — писал он ей с трогательной искренностью, — мне всего лишь двадцать семь лет, а жизнь уже тяготит меня, равно как и моя корона... Осиротев в раннем детстве, я был пленником честолюбивой знати; могущественный род Дугласов держал меня в неволе, и я ненавижу это имя и самую память о нем. Арчибалд,

граф Энгасский, Джордж, его брат, и все их изгнанные родичи постоянно натравливают на нас английского короля, и нет у меня в стране дворянина, которого он не совратил бы бесчестными посулами и не подкупил золотом. Никогда не могу я быть уверен в своей безопасности, а равно и в том, что воля моя и справедливые законы выполняются. Все это страшит меня, Madame, и от вас жду я поддержки и совета. Без всяких средств, пробавляясь лишь помощью французского короля да нещедрыми даяниями моего богатого духовенства, пытаюсь я украшать свои замки, подновлять крепости и строить корабли. Но мои бароны видят в короле, который хочет на деле быть королем, ненавистного соперника. Боюсь, что, невзирая на дружбу французского короля и поддержку его войск, невзирая на преданность народа, мне не одолеть баронов. Я не отступил бы ни перед чем, чтобы проложить моей стране путь к справедливости и миру, и думаю, что преуспел бы, когда бы не было у моей знати могущественного союзника. Английский король неустанно разжигает меж нами вражду, а ереси, насаждаемые им в моем государстве, поражают все сословия вплоть до духовенства и простонародья. Единственной силою, на которую я и мои предки искони могли опереться, были горожане и церковь, и я спрашиваю себя: долго ли еще они будут нам опорой?»

Поистине это письмо Кассандры — все его зловещие предсказания сбываются, да и многие другие, еще более тяжкие бедствия обрушиваются на короля. Оба сына, подаренные ему Марией де Гиз, умирают в колыбели, и у Иакова V в его лучшей поре все еще нет наследника короны, которая год от года все более его тяготит. В конце концов непокорные бароны вовлекают его в войну с могущественной Англией, чтобы в критическую минуту предательски покинуть. У Солвейского залива Шотландия узнала не только горечь, но и позор поражения. Войско, покинутое предводителями кланов, трусливо разбежалось, почти не оказав сопротивления, а король, мужественный

рыцарь, в этот тяжкий час сражается не с чуждым врагом, а с собственной смертью. В Фокленде лежит он, измученный лихорадкой, утомленный постылой жизнью и бессмысленной борьбой.

В тот хмурый зимний день девятого декабря 1542 года, когда за окнами стоял непроницаемый туман, в ворота замка Фокленд постучал гонец. Он принес измученному, угасающему королю весть о том, что у него родилась дочь, наследница. Но в опустошенной душе Иакова V нет места радости и надежде. Почему не сын, не наследник?.. Обреченный смерти, видит он повсюду лишь несчастье, крушение и безысходное зло. «Женщина принесла нам корону, с женщиной мы ее утратим», — произносит он покорно. Это мрачное пророчество было его последним словом. Глубоко вздохнув, повернулся он к стене и больше ни на что не отзывался. Спустя несколько дней его предали земле, и Мария Стюарт, еще не научившись видеть мир, стала королевой.

Однако быть из рода Стюартов и притом шотландской королевой значило нести двойное проклятие, ибо ни одному из Стюартов не выпало на этом престоле счастливо и долго царствовать. Двое королей — Иаков I и Иаков III — были умерщвлены, двое — Иаков II и Иаков IV — пали на поле брани, а двум их потомкам — этой еще несмышленной крошке и ее кровному внуку Карлу I — судьба уготовила еще более страшную участь — эшафот. Никому из этого рода Атреева не было дано достичь преклонных лет, никому не благоприятствовала судьба и звезды. Вечно воюют они с врагами внешними, врагами внутренними и с самими собой, вечно окружены смутой и носят смуту в себе. Их страна так же не знает мира, как не знают его они сами. Меньше всего могут они положиться на тех своих подданных, кто должен быть опорой трона, — на лордов и баронов, на все это мрачное и суровое, дикое и необузданное, алчное и воинственное, упрямое и своенравное племя

рыцарей, — «un pays barbare et une gent brutelle»¹, как жалуется Ронсар, поэт, заброшенный в эту страну туманов. Чувствуя себя в своих поместьях и замках маленькими королями, лорды и бароны гонят, точно убойный скот, подвластных им пахарей и пастухов в свои нескончаемые драки и разбойничьи набеги; неограниченные властители кланов, они не знают иной утехы, кроме войны. Их стихия — раздоры, их побуждение — зависть, все их помыслы о власти. «Золото и корысть — единственные сирены, чьих песен заслушиваются шотландские лорды, — пишет французский посол. — Учить их, что такое долг перед государем, честь, справедливость, благородные поступки, — значит, лишь вызвать у них насмешку». Драчливые и хищные, как итальянские кондотьеры, но еще более необузданные и неотесанные в проявлении своих страстей, все эти древние могущественные кланы — Гордоны, Гамильтоны, Араны, Мэйтленды, Крофорды, Линдсеи, Леноксы и Аргайлы — вечно грызутся между собой из-за первенства. То они ополчаются друг на друга в бесконечных усобицах, то клятвенно скрепляют в торжественных «бондах»² свои недолговечные союзы, сговариваясь против кого-то третьего, вечно сбиваются в шайки и клики, но ничем не связаны меж собой и, будучи все родственниками и свойственниками, на самом деле завистливые и непримиримые враги. В душе это все те же язычники и варвары, как бы они себя ни именовали, протестантами или католиками, — смотря по тому, что им выгоднее, — все те же правнуки Макбета и Макдуфа, кровавые таны, столь блистательно запечатленные Шекспиром.

Только в одном едина неукротимая завистливая свора — в борьбе против своего государя, короля, ибо всем им одинаково несносно послушание и незнакома верность. И если эта «кучка негодяев» — «parcel of rascals», как заклеил их шотландец из шотландцев Бернс, — и терпит

¹ Варварская страна и жестокое племя (*фр.*).

² Договорах (*англ.*).

некое подобие власти над своими замками и прочим достоянием, то лишь из ревности одного клана к другому. Гордоны потому оставляют корону Стюартам, что боятся, как бы она не досталась Гамильтонам, а Гамильтоны — лишь из ревности к Гордонам. Но горе шотландскому королю, вздумай он в своей пылкой, юношеской самонадеянности стать королем на деле, насаждать в стране порядок и добрые нравы и противостоять алчности лордов! Весь этот враждующий между собой сброд тотчас же по-братски сплотится, чтобы свергнуть своего государя; и коль не сладится у них дело мечом, то к их услугам надежный кинжал убийцы.

Трагическая, раздираемая бурными страстями, сумрачная и романтическая, как баллада, эта маленькая, обособленная, омытая морями страна на северной окраине Европы — к тому же еще и нищая, ибо ее истощают нескончаемые войны. Несколько городов — впрочем, какие же это города, — просто сбившиеся под защиту крепости лачуги! — не могут разбогатеть или даже достичь благосостояния. Их вечно грабят и жгут. Замки же аристократов, сумрачные и величавые развалины коих высятся и по сей день, ничем не напоминают настоящих замков, кичащихся своим великолепием и придворным блеском; эти неприступные крепости предназначались для войны — не для мирного гостеприимства. Между немногочисленными разветвленными аристократическими родами и их холопами отсутствовала столь необходимая государству благотворная сила деятельного среднего сословия. Единственная густонаселенная область между реками Твид и Ферт лежит слишком близко к английской границе, и набеги то и дело разоряют ее и опустошают. На севере можно часами бродить вокруг одиноких озер, по пустынным пастбищам или дремучим лесам, не встречая ни селения, ни замка, ни города. Деревни здесь не лепятся друг к другу, как в перенаселенных краях Европы: здесь нет широких дорог, несущих в страну торговлю и деловое оживление, ни пестрящих вымпелами рейдов, как в Голландии, Испании и Англии,

откуда отплывают корабли, спеша в далекие океаны за золотом и пряностями; население еле-еле кормится, пробаляясь овцеводством, рыбной ловлей и охотой, как в дедовские времена; по своим обычаям и законам, по благосостоянию и культуре Шотландия той поры не меньше чем на столетие отстала от Англии и Европы. В то время как в портовых городах повсеместно возникают банки и биржи, здесь, словно в библейские дни, богатство измеряется количеством земли и овец. Все достояние Иакова V, отца Марии Стюарт, составляют десять тысяч овец. У него нет ни сокровищ короны, ни армии, ни лейб-гвардии для утверждения своей власти, ибо он не может их содержать, а парламент, где все решают лорды, никогда не предоставит королю действительных средств власти. Все, что есть у короля, помимо скудного пропитания, дарят ему богатые союзники — Франция и папа; каждый ковер, каждый гобелен, каждый подсвечник в его дворцовых покоях и замках достался ему ценой унижения.

Неизбывная нищета, подобно гнойной язве, истощает политические силы Шотландии, прекрасной, благородной страны. Нужда и алчность ее королей, солдат и лордов делают ее игрушкой в руках иноземных властителей. Кто борется против короля и за протестантизм, тому платит Лондон; кто борется за католицизм и Стюартов, тому платят Париж, Мадрид и Рим; иностранные державы охотно покупают шотландскую кровь. Спор двух великих наций о первенстве все еще не решен, поэтому Шотландия — ближайшая соседка Англии — незаменимый партнер Франции в игре. Каждый раз, как английские войска вторгаются в Нормандию, Франция нацеливает этот кинжал в спину Англии, и воинственные скотты немедленно переходят *the border*¹, угрожая своим *auld enimies*². Но и в мирное время шотландцы — вечная угроза Англии. Поэтому укрепление военных сил Шотландии — первейшая забота

---

¹ Границу (англ.).

² Заклятым врагам (средневек. англ.).

французских политиков; Англия же, стравливая лордов и разжигая в стране мятежи, стремится подорвать эти силы. Так несчастная страна становится кровавым полем Столетней войны, и только трагическая судьба еще несмышленого младенца окончательно решит этот спор.

Какой великолепный драматический символ: борьба начинается у самой колыбели Марии Стюарт! Младенец еще не говорит, не думает, не чувствует, он едва шевелит ручонками в своем конверте, а политика уже цепко хватается его нерасцветшее тельце, его невинную душу. Таков злой рок Марии Стюарт, вечно втянута она в эту азартную игру. Никогда не сможет она беззаботно отдаться влечениям своей натуры, постоянно ее впутывают в политические интриги, делают объектом дипломатических уловок, игрушкой чужих интересов, всегда она лишь королева или претендентка на престол, союзница или враг. Не успел гонец доставить в Лондон обе вести, что Иаков V скончался и что у него родилась дочь, наследная принцесса и королева Шотландии, как Генрих VIII Английский решает заручиться этой драгоценной невестой для своего малолетнего сына Эдуарда; еще не сложившимся телом, еще дремлющей душой распоряжаются, как товаром. Но политика не считается с чувствами, она принимает в расчет только короны, государства и права наследования. Отдельный человек для нее не существует, он ничего не значит по сравнению с мнимыми и реальными целями всемирной игры. Правда, в этом конкретном случае намерение Генриха VIII обручить престолонаследницу Шотландии с престолонаследником Англии разумно и даже гуманно. Непрерывная война между двумя братскими странами давно утратила всякий смысл. Перед народами Англии и Шотландии, живущими на одном острове, под защитой и угрозой одного моря, родственными по происхождению и условиям жизни, несомненно, стоит одна задача: объединиться. Природа на сей раз недвусмысленно явила свою волю. И только соперничество обеих династий Тюдоров и Стюартов препятствует выполнению задачи. Если бы удалось благодаря

этому браку превратить спор в союз, общие потомки Стюартов и Тюдоров стали бы одновременно править Англией, Шотландией и Ирландией, и объединенная Великобритания могла бы отдать свои силы более сложной борьбе — за мировое первенство.

Но такова ирония судьбы: едва лишь в политике в виде исключения блеснет ясная, разумная идея, как ее искажают неумным исполнением. Сначала все идет как по маслу: сговорчивые лорды, которым щедро заплачено, охотно голосуют за брачный договор. Однако умудренный опытом Генрих VIII не удовлетворяется клочком пергамента. Ему слишком хорошо знакомы лицемерие и жадность этих благородных господ, и он понимает, что на них нельзя положиться и что за большую сумму они тут же перепродадут малютку-королеву французскому дофину. А потому Генрих VIII требует от шотландских посредников в качестве первейшего условия немедленной выдачи ребенка. Но если Тюдоры не верят Стюартам, то Стюарты платят им тою же монетой; особенно противится договору королева-мать. Набожная католичка, дочь Гизов не хочет отдать свое дитя вероотступникам и еретикам, а кроме того, не требуется большой проницательности, чтобы обнаружить в договоре опасную ловушку. Особым, секретным пунктом посредники обязались в случае преждевременной смерти ребенка содействовать тому, чтобы «вся полнота власти и управление королевством» перешли к Генриху VIII. Тут есть над чем задуматься! От человека, который уже двух жен отправил на эшафот, всего можно ждать: в своем нетерпении завладеть желанным наследством он еще, пожалуй, постарается, чтобы ребенок умер поскорей — и не своею смертью; поэтому заботливая мать отклоняет требование о выдаче малютки Лондону. Свадьба едва не приводит к войне. Генрих VIII посылает войска, чтобы захватить драгоценный залог, и отданный по армии приказ красноречиво говорит об откровенной бесчеловечности века: «Его Величество повелевает все предать огню и мечу. Спалите Эдинбург дотла и сровняйте

с землей, как только вынесете и разграбите все, что возможно... Разграбьте Холируд и столько городов и сел вокруг Эдинбурга, сколько встретите на пути; отдайте на поток и разграбление Лейт и другие города, а где наткнетесь на сопротивление, без жалости истребляйте мужчин, женщин и детей».

Как гунны, вторглись вооруженные орды Генриха VIII в Шотландию. Но мать и дитя своевременно укрылись в укрепленном замке Стирлинг, и Генриху VIII пришлось удовольствоваться договором, по которому Шотландия обязалась выдать Марию Стюарт Англии (вечно ее продают и покупают, как товар!) в день, когда ей исполнится десять лет.

Казалось бы, все уладилось к общему удовольствию. Но политика во все времена была наукой парадоксов. Ей чужды простые, разумные и естественные решения: создавать трудности — ее страсть, сеять вражду — ее призвание. Вскоре католическая партия пускается в интриги, выясняя исподтишка, не выгоднее ли сбывать дитя — оно еще только лепечет и улыбается — французскому дофину, а после смерти Генриха VIII никто уже и не думает о выполнении договора. Но теперь выдачи малютки-невесты от имени малолетнего короля Эдуарда требует английский регент Соммерсет, и, так как Шотландия противится, он опять посылает войска, ибо с лордами можно говорить только на одном языке — языке силы. Десятого сентября 1547 года в битве — вернее, бойне — при Пинки шотландская армия была разбита наголову, более десяти тысяч трупов усеяли поле брани. Марии Стюарт не исполнилось и пяти лет, а из-за нее уже рекой льется кровь.

Перед англичанами лежит беззащитная Шотландия. Но в разграбленной стране нечего взять; Тюдоров же интересуется единственным сокровище — ребенок, олицетворяющий корону и преемство трона. Однако, к великому огорчению английских шпионов, Мария Стюарт неожиданно и бесследно исчезла из замка Стирлинг; даже наиболее приближенные лица не знают, куда спрятала ее королева-мать.

Новый надежный тайник выбран превосходно: ночью преданные слуги под строжайшим секретом отвозят ребенка в монастырь Инчмэхом, укрывшийся на небольшом островке среди озера Ментит — «dans les pays des sauvages»¹, как сообщает французский посол. Ни одна тропка не ведет в заповедные места; драгоценный груз доставляют в лодке на остров и там поручают заботам благочестивых иноков, никогда не покидающих обитель. Здесь, в надежном убежище, вдали от беспокойного, взбаламученного мира, живет, ничего не ведая, невинное дитя, меж тем как дипломатия, раскинув свои сети над морями и странами, усердно занимается его судьбой. Ибо на арену, угрожая, выступает Франция, чтобы не дать Англии полностью подчинить себе Шотландию. Генрих II, сын Франциска I, посылает в Шотландию сильную эскадру, и генерал-лейтенант французского вспомогательного корпуса просит от его имени руки Марии Стюарт для малолетнего дофина Франциска. Политический ветер, резко и порывисто задувший из-за пролива, круто повернул судьбу ребенка: вместо того чтобы сделаться английской королевой, маленькая дочь Стюартов внезапно предназначена в королевы Франции. Едва лишь новое и более выгодное соглашение заключено, как седьмого августа драгоценный объект сделки, девочку Марию Стюарт пяти лет восьми месяцев от роду, сажают на корабль и отвозят во Францию, продав другому, столь же незнакомому супругу. Вновь — и не в последний раз — чужая воля определяет и изменяет ее судьбу.

Неведение — великое преимущество детства. Что знает трехлетнее, четырехлетнее, пятилетнее дитя о войне и мире, о битвах и договорах? Что ему Франция или Англия, Эдуард или Франциск, что ему неистовое безумие, охватившее мир? Длинноногая девочка с развевающимися белокурыми локонами бегает и резвится в мрачных и светлых

---

¹ В краю дикарей (*фр.*).

покоях замка вместе с четырьмя своими сверстницами-подружками. Ибо ей — чудесная идея в столь варварский век — отобрали среди лучших семейств Шотландии четырех подруг, ее однолеток: Мэри Флеминг, Мэри Битон, Мэри Ливингстон и Мэри Сетон. Дети, как и она, они сегодня весело играют с малюткой-королевой, завтра они разделят ее одиночество на чужбине, чтобы чужбина не казалась ей совсем уж чужой, позднее сделаются ее придворными дамами и однажды, в особенно душевную минуту, поклянутся выйти замуж не раньше, чем их госпожа изберет себе супруга. И если три из них покинут королеву в несчастье, то одна последует за ней и в изгнание и пребудет ей верна до самого смертного часа; так отблеск блаженного детства озарит и ее последние, страшные минуты. Пока же пять девочек весело играют изо дня в день то в замке Холируд, то в замке Стирлинг, не задумываясь о таких вещах, как королевское достоинство и величие, ведущее к опасной гордыне. Но однажды вечером маленькую Марию поднимают с постели, в сумраке ночи на озере ждет лодка, чтобы отвезти ее на тихий, благостный остров — Инчмэхом зовут его, что значит «мирная обитель». Какие-то незнакомые люди, одетые не так, как все, в черных широких развевающихся рясах, приветствуют ее. Добрые и кроткие, они чудесно поют в высоком зале с цветными окнами, и девочка быстро привыкает к ним. Но вскоре ее опять увозят вечером (и не однажды придется Марии Стюарт бежать под покровом ночи от одной судьбы к другой); и вот она на высоком корабле со скрипящими мачтами и белыми парусами; кругом чужие солдаты и бородатые матросы. Но маленькая Мария не боится. Все они добры и ласковы с ней; семнадцатилетний сводный брат Джеймс, один из многочисленных бастардов Иакова V, рожденных до его брака, гладит ее пушистые белокурые волосы, да и четыре Марии, ее любимые подружки, тоже с нею. Пять девочек, радуясь новым впечатлениям, как радуются дети всякой перемене, резвятся меж пушками французского военного судна и закованными в латы

морьяками. А высоко на марсе матрос опасливо вглядывается в даль; он знает: по проливу курсирует английский флот в надежде захватить невесту английского короля, пока она не стала нареченной французского дофина. Но ребенок видит только то, что рядом и что ему ново; он видит: море синее, люди добрые, и корабль, фыркающая, как испанский зверь, прокладывает себе в волнах дорогу.

Тринадцатого августа галеон входит в Росков, небольшой портовый город близ Бреста. Шлюпки пристали к берегу, и, по-детски радуясь чудесному приключению, беспечная, шаловливая шестилетняя королева Шотландская спрыгнула на французскую землю. На этом кончается ее детство, начинается пора обязанностей и испытаний.

Глава II

ЮНОСТЬ ВО ФРАНЦИИ

1548–1559

Французский двор — великий знаток благородных обычаев, ему до тонкости известны правила загадочной науки, именуемой этикетом. Кто-кто, а уж Генрих II Валуа доподлинно знает, с какими почестями должно встречать нареченную дофина. Еще до ее прибытия подписывает он указ о том, чтобы маленькую королеву Шотландскую — *la reine* — приветствовали на ее пути по всем градам и весям так почтительно, как если бы то была его родная дочь. Уже в Нанте Марию Стюарт ждут восхитительные знаки внимания. Мало того, что на всех площадях воздвигнуты арки с классическими эмблемами, со статуями языческих богинь, нимф и сирен; придворной свите для пущего веселья не жалеют отменного вина. Щедро палят из пушек и жгут фейерверки; впереди малютки-королевы выступает крошечное войско — сто пятьдесят мальчиков в белоснежной одежде, с трубами и барабанами, с миниатюрными пиками и алебардами — своего рода почетный эскорт. И так из города в город, нескончаемой вереницей празднеств следует она до Сен-Жерменского дворца. Здесь шестилетняя девочка впервые встречает своего нареченного, которому не исполнилось еще и пяти лет, и хилый, бледный, рахитичный мальчик — ему на роду написана хворость и ранняя могила, ибо в жилах у него течет отравленная кровь, — смущенно и робко приветствует свою «невесту». Тем радушнее принимают ее остальные члены королевской фамилии, очарованные ее детской прелестью,

а восхищенный Генрих II называет ее в письме «la plus parfait enfant que je vus jamés»¹.

Французский двор в эти годы — один из самых блестящих и пышных в мире. Только что миновало мрачное Средневековье, и последние романтические отблески умирающего рыцарства еще озаряют поколение переходной эпохи. По-прежнему сила и храбрость проявляют себя в стародавних суровых и мужественных потехах: охоте, играх, турнирах, приключениях, войне, но в высших кругах общества уже одерживает верх духовное начало; гуманизм завоевывает вслед за монастырями и университетами и королевские замки. Из Италии во Францию в победном шествии проникают излюбленный папами культ роскоши, характерное для Ренессанса тяготение к духовно-чувственным наслаждениям, увлечение изящными искусствами; в это историческое мгновение здесь возникает новый идеал, единственное в своем роде сочетание силы и красоты, беспечности и отваги — высокое искусство презирать смерть и в то же время страстно любить жизнь. Естественнее и свободнее, чем где бы то ни было, объединяются во французском характере горячий темперамент с беззаботной легкостью, галльская *chevalerie*² чудесным образом гармонирует с классической культурой Ренессанса. От дворянина наравне с умением, облачившись в тяжелые доспехи, стремительно атаковать противника на турнире требуется и безукоризненное выполнение замысловатых танцевальных фигур, он должен постичь как суровую науку войны, так и галантные законы придворной куртуазии; одна и та же рука должна разить тяжелым двуручным мечом, чувствительно играть на лютне и писать сонеты даме сердца. Сочетать в себе полярные противоположности — силу и нежность, суровость и изысканность, быть равно оснащенным для боя и для духовного поединка — вот идеал того времени. Днем король и его дворяне на взмылен-

¹ Самый прелестный ребенок, какого мне довелось видеть (*фр.*).

² Рыцарственность (*фр.*).

ных скакунах носятся в погоне за оленями и вепрями и скрещивают мечи и копья на турнирах, а вечерами кавалеры и знатные дамы собираются в заново отделанных с небывалой роскошью дворцах — Лувре, Сен-Жермене, Блуа и Амбуазе — для изысканных развлечений. При дворе читают стихи, поют мадригалы, музицируют, возрождают в маскарадах дух Античности. Множество красивых, нарядных женщин, творения таких поэтов и художников, как Ронсар, Дю Белле и Клуэ, сообщают двору невиданную красочность и жизнерадостность, с небывалой щедростью проявляющиеся во всех областях искусства и жизни. Как и вся Европа накануне злосчастных религиозных войн, Франция той поры стоит перед великим расцветом культуры.

Тот, кому предстоит жить при таком дворе, а тем более царить в нем, должен отвечать этим новым культурным запросам. Он должен стремиться овладеть всеми искусствами и знаниями, совершенствуя свой ум, равно как и свое тело. Навсегда послужит к чести гуманизма, что от тех, кто готовил себя к власти, он требовал знакомства со всеми видами искусств. Пожалуй, никогда еще не уделялось столько внимания безукоризненному воспитанию не только мужчин высшего сословия, но и женщин — этим открывалась новая эра. Как и Мария Английская и Елизавета, изучает Мария Стюарт классические языки — греческий и латынь, а также современные — итальянский, английский, испанский. Благодаря острому, живому уму и унаследованному предрасположению ко всему изящному одаренной девочке все дается шутя. Уже тринадцати лет, изучив латынь по «Беседам» Эразма, она в Лувре перед всем двором произносит речь собственного сочинения, и ее дядя, кардинал Лотарингский, с гордостью сообщает матери, Марии Де Гиз: «Душевное величие, красота и мудрость Вашей дочери столь возросли и возрастают с каждым днем, что она уже сейчас владеет в совершенстве всеми славными и благородными науками, и ни одна из дочерей дворянского или иного сословия в этом королевстве

не может с ней сравниться. Я счастлив сообщить Вам, что король очень к ней привязан, иногда он более чем по часу беседует с ней одной, и она так умеет занять его разумными и здравыми речами, как впору и двадцатипятилетней!»

И в самом деле, умственно Мария Стюарт развилась необычайно рано. Она в короткое время настолько овладела французским, что пробует свои силы и в стихах, достойно отвечая на хвалебные оды таких поэтов, как Ронсар и Дю Белле; и не только в придворной игре «на случай» тешит она муз, нет, в самые горькие минуты юная королева, полюбившая поэзию и полюбившаяся поэтам, изливает свои чувства в стихах. Впрочем, тонкий вкус проявляется у нее и в других искусствах: она очаровательно поет, аккомпанируя себе на лютне, и покоряет всех танцами; ее вышивки говорят не только об умении, но и одаренности; она и одевается с отменным вкусом, без той помпезной роскоши, какую чванится Елизавета, щеголяющая в своих широчайших робах, — Мария Стюарт одинаково мила и естественна и в пестрой шотландской юбочке и в торжественном одеянии. Такт и чувство прекрасного у нее природные, а свою величественную, ничуть не театральную осанку — источник поэтического очарования, прославившего ее в веках, — дочь Стюартов сохранит и в самые тяжкие минуты, как драгоценное наследие королевской крови и княжеского воспитания. Но и в телесных упражнениях — неутомимая наездница, страстная охотница, искусный игрок в мяч — она едва ли уступает самым закаленным атлетам этого рыцарственного двора; ее стройное тело отроковицы, при всей своей грации, не знает усталости. Самозабвенно и радостно, блаженно и беззаботно припадает она ко всем источникам романтической юности, не подозревая, что величайшее счастье своей жизни она уже исчерпала без остатка. Вряд ли в ком рыцарско-романтический идеал женщины французского Ренессанса нашел более совершенное воплощение, чем в этой жизнерадостной и пылкой принцессе.

Но не только музы — и боги благословили ее колыбель. Душевные совершенства сочетаются у Марии Стюарт с необычайным телесным очарованием. Едва ребенок стал девушкой, женщиной, как поэты наперебой спешат воспеть ее красоту. «На пятнадцатом году красота ее воссияла, как свет яркого дня», — возглашает Брантом, и еще более пламенно — Дю Белле:

En vôtre esprit le ciel s'est surmonté
Nature et art ont en vôtre beauté
Mis tout le beau dont la beauté s'assemble.

Чтобы, как в зеркале, обворажая нас¹,
Явить нам в женщине величие богини,
Жар сердца, блеск ума, вкус, прелесть форм и линий,
Вас людям Небеса послали в добрый час.

Природа, захотев очаровать наш глаз
И лучшее затмить, что видел мир доньше,
Так много совершенств собрав в одной картине,
Все мастерство свое вложила щедро в вас.

Творя ваш светлый дух, Бог превзошел себя.
Искусства к вам пришли, гармонию любя,
Ваш облик завершить, прекрасный от природы,

И музой дар певца мне дан лишь для того,
Чтоб сразу в вас одной, на то не тратя годы,
Воспел я Небеса, природу, мастерство.

Лопе де Вега восторженно слагает ей гимны: «Звезды даровали ее глазам свой нежнейший блеск, а ланитам — краски, придающие ей столь удивительную прелесть». После смерти Франциска Ронсар вкладывает в уста его брата Карла IX следующие строки, исполненные почти завистливого восхищения:

Avoir joui d'une telle beauté
Sein contre sein, valoit ta royauté.

Кто грудь ее ласкал, забыв на ложе сон,
За эту красоту отдаст, не дрогнув, трон.

¹ Здесь и далее стихи даются в переводе В. Левика.

Оглавление

Вступление.....	5
Действующие лица.....	10
Глава I. Королева-дитя.....	13
Глава II. Юность во Франции.....	25
Глава III. Вдовствующая королева и все же королева.....	38
Глава IV. Возвращение в Шотландию.....	55
Глава V. Камень покатился.....	72
Глава VI. Оживление на политическом аукционе невест.....	86
Глава VII. Второе замужество.....	108
Глава VIII. Роковая ночь в Холируде.....	124
Глава IX. Преданные предатели.....	143
Глава X. В непроходимых дебрях.....	159
Глава XI. Трагедия любви.....	177
Глава XII. Дорога к убийству.....	203
Глава XIII. Quos deus perdere vult.....	220
Глава XIV. Путь безысходный.....	240
Глава XV. Низложение.....	265
Глава XVI. Прощание со свободой.....	280
Глава XVII. Беглянке свивают петлю.....	295
Глава XVIII. Петля затягивается.....	307
Глава XIX. Годы в тени.....	320
Глава XX. Последний круг.....	334
Глава XXI. Дело идет к концу.....	346
Глава XXII. Елизавета против Елизаветы.....	370
Глава XXIII. «В моем конце мое начало».....	393
Водевиль.....	406

Литературно-художественное издание

СТЕФАН ЦВЕЙГ
МАРИЯ СТЮАРТ

Ответственный редактор Галина Соловьева
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Елена Шнитникова, Ирина Сологуб
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 02.11.2017. Формат издания 84 × 108^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 21,97. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-AMC-14766-07-R